

Феномен зяблика

16+

Олег Денисов

Олег Денисов
Феномен зяблика

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Денисов О.

Феномен зяблика / О. Денисов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Действие происходит в начале нашего века, в Центральной полосе России. Главный герой, Андрей, офисный работник, уволенный из-за очередного кризиса, отправляется в странствие по лесной реке в поисках старика, который оставил цивилизацию много лет назад. С целью выяснить у него насколько адекватна такая реакция на обыденность повседневной жизни. По пути Андрей сталкивается на первый взгляд со случайными людьми и явлениями, но каждая такая встреча вызывает в нем эмоциональные усилия и воспоминания, приводящие к осознанию собственного предназначения в этом мире. Как вывод, формулирует один из героев книги в последней главе: "К сорока годам человек должен иметь в голове уже сформированную, целостную систему мира, а не сборище разрозненных фактов".

Содержание

Глава 1. Феномен зяблика	5
Глава 2. Большие дивиденды, или пока мы не научимся летать	16
Глава 3. ГМО, яичница и божий дар	19
Глава 4. Мари и Хуан	25
Глава 5. Орнитология как наука	28
Глава 6. Бег приставными шагами	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Феномен зяблика

Зяблик – самый многочисленный
и широко распространенный
представитель орнитофауны
Ленинградской обл. и всего Северо-Запада.
А. С. Мальчевский, Ю. Б. Пукинский
Птицы Ленинградской области
и сопредельных территорий, том 2.

Понедельник. Я в электричке. Меня уволили. Кризис. Я счастлив! Я готов горстями раздавать свое счастье!

Правда, кризис у нас странный. Как дефицит соли. Кто-то сказал, что ее нет и ее не стало... А про кризис все наоборот. Объявили, что он есть,... и... наши денежки потекли в чьи-то банки. Спасать банковскую систему. При этом количество покупателей в супермаркетах не стало меньше, кто ездил два раза в год за границу, продолжают ездить с той же регулярностью. Профессионалы рабочих специальностей, уволенные как бы из-за кризиса, легко находят новую работу. Но это не про меня. Я менеджер по логистике, и я не ищу работу. Я ищу выход. Или исход? В чем разница – пока не знаю. Но мне хорошо. Пока хорошо. Я свободен.

Когда мне исполнилось ровно 30... с хвостиком, кто-то из друзей на дне рождения после обычных банальных пожеланий типа «чего самому хочется» спросил:

– «Андрей, а что ты на самом деле хочешь?»

– Хочу быть бомжом, – выскочило из меня самопроизвольно как в поговорке воробей, которого уже не поймать, и пришлось объяснять. – Не в смысле городского бомжа у помойки, собирающего бутылки. А как старик, живущий на Сеже.

Слухи про старика слышали все – на майские мы каждый год плавали по этой реке. Фишка была в том, что живя на берегу реки в полном одиночестве, он никогда не был деревенским жителем. Большую часть жизни он прожил в городе, работал на заводе им. Ульянова, а потом бросил все и забрался в такую глушь, что если вверх по течению, то до ближайшей жилой деревни было километров тридцать, а если вниз... Деревни, конечно, были, но брошенные. Сначала людей напугали лесные пожары 72 года, потом исчезла работа, так как прекратилась торфодобыча. И довершила опустошение государственная программа укрупнения деревень, когда люди разбирали свои дома и переезжали в более крупные населенные центры. В результате за несколько лет лесной край в центре России, где люди жили веками, полностью обезлюдел. Зато появился представитель Гомо Сапиенса, который один держал оборону, поддерживал видовое разнообразие окружающей фауны.

Старик жил в землянке. Летом кочевал с козами вдоль реки. Охотно общался с проплывающими мимо байдарочниками, предлагая им козье молоко и иногда мед. Мой знакомый рассказывал, что пасека у него состояла из бортей. Это что-то типа большой дуплянки, когда из ствола очень старого дерева удаляется трухлявая сердцевина, приделывается дно и крыша. Получается примитивный улей наших предков. Старик, пожаловался тогда моему знакомому, что очень досаждают медведь, пронюхавший про пасеку. Но это было мирное и благородное сожительство, у старика не было никакого оружия против зверя, а мишка, в свою очередь, тырил мед исключительно в отсутствии хозяина.

Сам я встретил старика только однажды, когда мы с моей будущей женой спускались на байдарке вниз по течению. Дело было летом. Старик в белом балахоне и несколькими козами неожиданно возник на берегу очередного поворота и предложил нам молока. То ли он своим появлением нарушил гармонию нашего одиночества, то ли потому что я не очень люблю

молоко, но беседа у нас тогда не получилась, и мы проплыли мимо. Я тогда про него ничего не знал... Или он был мне еще не интересен?!

И вот теперь я еду его искать. Конечно, можно было бы и на машине. Но машина обеспечивает иллюзию свободы до тех пор, пока едет. Стоит хлопнуть дверкой и все! Ты привязан к ней как пес к собачьей будке. Конечно, можно нарезать круг, радиус которого и будет степенью твоей свободы, но все равно ты вернешься в исходную точку. А куда мы должны всегда возвращаться? Домой? Вот пусть машина там и стоит! Чем дольше живешь, тем быстрее вода в реке. Поэтому нет никакого резона нарезать круги.

Электричка... Мелькание деревьев за окном... И я чувствую отрыв – рвутся какие-то невидимые связи: дом, семья, работа – позади, и все дальше, дальше, дальше... Встающее между деревьями солнце отсчитывает двадцать пятый кадр – начинается новый фильм, начинается новый день. И это мой фильм! Это мой день! Меня начинает накрывать...

Электричка – электрический поезд...

Мчится поезд! И я вместе с ним! Ничто не может задержать меня в прошлом – я никому ничего не должен, я исполнил все долги и выполнил все обещания. У меня больше нет планов! Я свободен! И совсем неважно, куда мы мчимся. Цель сейчас не важна, важен процесс, приносящий свободу и полет. Так можно и умереть. Это оказывается совсем не страшно, когда никому ничего не должен. Эйфория и постепенно превращаешься в дух.

Поезд. Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук... И почему люди так боятся заранее узнать день своей смерти? Успеешь подготовиться и умрешь свободным... тук-тук, тук-тук...

Поезд – это всегда в одну сторону. Те, кому обратно, уже мчатся навстречу.

Поезд – это выход.

Или начало?

Что одно и то же. Сойдешь в «васильки», а выйдешь к «пирамидам». Но мне не к пирамидам, мне к старику. Нет, не так. «Но мне не к пирамидам, мне к Старику», – вот так будет вернее.

Когда я его видел первый раз, мне было двадцать с мелочью, а он был уже старик. Сейчас я сам почти старик, внуков нет, но дети уже достигли возраста, чтобы сделать из меня дедушку. Но я знаю, Старик еще есть. За это время на его территории организовался заповедник. Сначала его терпели как человека в пейзаже, но потом он срубил какое-то столетнее дерево и его поперли за пределы. Вы никогда не пробовали топориком завалить столетнее дерево, а потом еще и выгрызть из него сердцевину? Это не каждому зверю по зубам!

Идеология сохранения природы для будущих поколений – это хитрый ход людей, зарабатывающих на этом деньги. Для облегчения процесса даже партии создают. Идеалисты, прикнувшиеся к этому движению – идиоты? Скорее тусовщики. Им все равно, на какой идее толпиться. Отнимите у них экологию, станут националистами, тоже внешне благородная идея.

Для начала неплохо бы осознать, что человек – точно такой же биологический вид как амурский тигр. И он, как любое живое существо на этой планете, нуждается в чистом воздухе, воде и самое главное – в подходящей среде обитания, и куске жизненного пространства. Давайте не пускать его в лес, на речку, запретите ему ловить рыбу – пусть дальше бухает и вымирает.

Короче, я точно не знаю, где теперь Старик очеловечивает дикий пейзаж. Первоначальный план у меня такой: сначала электричкой до районного центра Пыра; потом на автобусе до Перерывов, крупного последнего села на реке, куда еще есть автобусное сообщение; ну а потом – потом пешком, вниз по течению. Маршрут мне известен. После окончания десятого класса мы с другом детства прошли вдоль реки пешком до самой Волги, байдарки у нас появились позже. Почему детства? Да потому что там мы были вместе, а потом уже разными дорогами... И нет в этом никакой трагедии, за каждый кусок жизни, прожитый вместе, мы должны быть

благодарны друг другу, но ни к чему обязательства на будущее. Это нормально и справедливо. Глупо жить воспоминаниями и о чем-то сожалеть в прошлом. Надо строить наступающий день.

Дилеммой остается по какому берегу идти. Мы с Диманом шли по левому, по дороге, от одной деревни к другой, вернее от колодца к колодцу. Потому как кроме воды нас ничего не интересовало. Мы наполняли фляги и шли дальше. Но сейчас на левом берегу расположен заповедник, и мне надо его полностью пересечь, чтобы выйти к нижней границе. Именно там я и надеялся отыскать старика. Это самый короткий путь, и он будоражит кровь. Так как нужно опасаться охраны заповедника. На правом берегу люди никогда не селились, во всяком случае, в непосредственной близости от реки. Вдоль самого берега идет тропа, но идти по ней очень утомительно – перелезть через валежник, перебираться через прилегающие болотины, ручьи; кусты постоянно цепляются за одежду. Нет, это совсем не вариант. Есть еще какие-то лесные дороги, по ним легко идти, и они, конечно, куда-то, в конце концов, выводят – в десятках километров от реки. Мы с Диманом тоже сначала начали свое путешествие в верховьях по правому берегу. Но после последнего пионерского лагеря потеряли тропу вдоль берега и заблудились. Конечно, мы подозревали, что река должна быть слева от нас, и пытались все время, как нам казалось, поворачивать влево, чтобы выйти к берегу. Но река поворачивала по каким-то своим законам, и мы с ней разминулись. Вечерело, вокруг огромные неохватные стволы. Духотища. Ни намека на след человеческий. Мы, сырые по пояс, пёрли как танки. Нет, сначала мы пытались пересекать мокрые участки по стволам рухнувших деревьев, балансируя как акробаты. Но то ствол заканчивался раньше, чем появлялась суша, то мы, не удержав равновесие, как пупсики валялись в месиво из тины и комаров. Поэтому мы решили: лучше будем двумя злыми танками. Мы очень торопились до темноты вырваться из пересеченной местности на оперативный простор. Я до сих пор помню мысль, которая родилась в тот момент: «Не удивлюсь, если сейчас из-за того дерева вылезет крокодил, но нас ничто не остановит». В конце концов, мы вылезли на дорогу и радостно загрохотали по ней траками. Уже в потемках мы вышли к какой-то деревне. Колодец оказался на самой окраине. Мы завернулись в полиэтиленовую пленку и уснули спасенными прямо у колодца. Наутро мы узнали, что ушли от реки на 23 километра.

Теперь я один и мне не нравятся крокодилы. Все – решено – буду пробираться через заповедник.

И тут я вынырнул из собственных мыслей – внешняя сторона жизни становилось увлекательной. На противоположной лавке располагались два крепких сухих старика, они сидели по ходу движения поезда. А я и две дачницы пенсионного возраста сидели напротив них. Высокий старик, сидевший у окна, видимо, был еще не старик, а просто мужчиной пожилого возраста. Судя по отсутствию рюкзаков, корзин и обрезков горбыля, стянутых проволокой, дачником он не являлся, а был обычным сельским пенсионером. Я сразу решил, что он бывший комбайнер. А вот второй, сидевший с краю, выглядел как древнегреческий мыслитель. Правда, я их всегда путаю с еврейскими царями до нашей эры, и мне в этом вопросе верить нельзя. Старик лет семидесяти или больше. Лицо все испорченное морщинами и складками. Серебристый, густой, торчащий ершик на голове придавал ему вид учителя физкультуры в отставке, но глаза... Глаза, как через замочную скважину смотреть на звездное небо! Ничего не видеть? Так и я ничего не видел. Но мой взгляд в его глазах не останавливался, а уходил куда-то дальше. Но это была не пустота глаз слепого, это была Вселенная. Она кипела, бурлила и искрилась. Наверное, еще и размножалась, но я постеснялся рассмотреть.

– Заметил, какая краля напротив тебя? Ты чего теряешься то? – двинул соседа плечом старый комбайнер.

– Я-то заметил,... а она не суетится, – спокойно ответил философ, но глаза его засверкали.

«Да, с таким мужчиной интересно жить», – сказала бы моя жена.

Обе женщины рассмеялись, но кто из них краля я определить не мог, так как сидел с краю, у самого прохода.

– Суегиться поздно, мы уже приехали. Пока мальчики! – сказала одна из них, игриво помахав рукой в сторону старых пикаперов. И действительно, старые кошелки подхватили свои... кошелки и направились к выходу.

– Вот так всегда, – пробурчал шутливо им вслед потомственный комбайнер, – сначала позыркают глазенками, а потом делают ручкой, как ни в чем не бывало. Шлюхи! Женщины легкого поведения! Динамо!!!

– Спартак! – подхватил философ, видимо, чтобы сгладить грубость сладостного слова «шлюхи».

– Зенит – чемпион! – добавил я до кучи, чтоб беседу поддержать.

– А вы, молодой человек... Кстати, как вас зовут? Не путайте секс со спортом! – сказал назидательно «Седой ершик». Я чуть с лавки не сполз, а мои глаза на лоб. Очень мне хотелось выяснить из какой же тогда оперы Спартак? Старикан откровенно стибался, и при этом у него из глаз просто сыпались искры веселья. Вагон электрички озарялся этими искрами.

Я представился.

– Пифагор Соломонович, учитель словесности, – ответил он и протянул мне руку.

Я снова заерзал на лавке – похоже каша из царей и математиков не только у меня в голове. Пенсионер-тракторист у окна покосился на соседа.

– Михаил, – сказал он просто и тоже пожал нам руки. Маленький, временный, однополый коллектив был сформирован.

Я решил воспользоваться сложившейся ситуацией.

– Отцы, – сказал я, – простите ради бога за бестактный вопрос. Я им давно мучаюсь и стесняюсь спросить, просто не у кого было. До сколько лет хочется? Сколько мне еще осталось...

– Пока живешь, так и хочется, – тут же ответил Михаил и пробурчал, – только ведь не даст уже, проверено, как не проси... Баловство, говорит.

– Да, когда мы женимся, наши невесты еще только в первый класс должны идти, а мы не хотим так долго ждать, вот и образуется несоосность. Пони и мустанг, – задумчиво сказал Соломон Пифагорович.

Я представил себе душераздирающую картину: то ли мустанг не попадает; то ли пони не дотягивается, хотя и пытается взбрыкивать.

– Но я с вами не согласен, Михаил. Вы рано опустили руки... Прошу прощения, я хотел сказать, сдались, – продолжал Пифагор. – У вас, наверное, есть дети?

– Есть, две дочери, уже взрослые.

– Очень хорошо, мой друг. Пол ребенка, это не случайность. Дочери рождаются у тех мужчин, которые могут удовлетворить женщину, и наоборот.

– Наоборот, это как? – буквально в один голос воскликнули мы с Михаилом.

– Нет, если совсем не можете, – рассмеялся наш Соломон, – то дети могут быть любого пола, но только приемные. Я о другом. Если доставил женщине удовольствие, а уж потом кончил сам, будет дочь, а если: сам да, а она нет, жди сына.

Наш комбайнер обалдел, ошарашено посмотрел на «царя Соломона» и ушел в прошлое. А я привел, тут же всплывшие в памяти, аргументы в пользу теории. Правда, из жизни коз.

После того как я окончил университет, я и орнитология стали развиваться разными путями. Я пас коз в свободное от работы сельским учителем время. Но и она, без меня, по моему, тоже скучала. В то время, я и узнал о методике определения будущего пола потомства козла и козы. Смысла в этом никакого, потому как ни розовый, ни синий бантик козленку ни к чему. А влиять на исход встречи будущих родителей зоотехники так и не научились, только подметили интересный факт при скрещивании.

Пифагору Соломоновичу, мой сексуальный рассказ про особенности спаривания коз не особо понравился. Или он это уже все знал, или не нуждался в каких-либо доказательствах своей правоты. Поэтому он тут же рассказал нам анекдот. Старый, но аккуратно завернутый в тему.

Новый русский решил поднять, в конце концов, сельское хозяйство в стране. Купил за границей породистую свиноматку по цене шестисотого мерседеса. Поселил ее в хлев, отстроив по последнему слову западной мысли, и стал ждать поросят. Время идет, музыка в хлеву играет, а поросят все нет. Обратился за советом к местным мужикам, что делать. Ну, те говорят, сажай свинью в тачку и вези к хряку. А иначе поросят не жди.

Делать нечего, затолкал Новый русский свинью в тачку и повез за 30 верст в соседнее село к хряку.

На следующее утро встает, все тело болит с непривычки. Первым делом – в хлев. Поросят нет. Что делать?

Снова свинью в тачку и в соседнее село.

На следующее утро встает – спину уже разогнуть не может, но надевает тапочки и тащится в хлев. Да что же это такое? Ну, нет поросят! Снова свинью в тачку...

На третье утро встать уже не может, посылает жену посмотреть, нет ли поросят.

Жена возвращается и говорит: «Поросят таки нет, но... свинья уже в тачке».

Анекдот вернул Михаила в наше общество.

– А ведь ты прав, Соломон – ошарашено сказал он. – Еще в армии, я от ребят постарше услышал, что сила мужчины не в том сколько раз он сам, а в том, сколько раз он сумел женщине доставить удовольствие. И после свадьбы я всегда держал марку: сначала жену удовлетворить, а уж потом себе позволить. Вот потому-то и дочери... а так хотелось сына.

– Зато без халтуры, – попытался я его приободрить, в душе радуясь, что у меня и сын, и дочь.

– Такая любовь механическая, потому что специально пытаешься думать о постороннем, чтобы дольше продержаться, – печально ответил он, – из-за этого может она сейчас ничего и не хочет.

– Не из-за этого, друг мой, – жизнерадостно воскликнул Пифагор Соломонович. – Я, как старый сексологоанатомопатолог, объясняю. Сначала они хотят не меньше, чем мы. Просто горят желанием и даже жадой экспериментов. Но с появлением детей, основной инстинкт меняется. И доминировать начинает инстинкт материнства и домашнего очага. Если это не пресечь на корню, любимая превращается в клушку. Кудах-тах-тах, кудах-тах-тах, где дети, где деньги, все ли обуты, все ли одеты.

– Ну, я и говорю, что уже не даст, – грустно сказал комбайнер.

– Михаил, – с напором сказал Соломон, – рассказываю анекдот №2, позорный для учителя словесности, поэтому только ради вас. – Он обернулся, осмотрел вагон электрички и полупшепотом начал. Весь вагон прислушался.

– Пятачок, пойдешь со мной к свинье сексом заниматься?

– Ура, Винни! Конечно, пойду! – радостно закричал Пятачок и вприпрыжку побежал вперед.

Винни-Пух потопал следом. Через некоторое время, Пятачок остановился и спросил:

– Винни, а она даст?

– Даст, даст – пробурчал Винни-Пух, – пошли.

Через некоторое время Пятачка снова охватили сомнения:

– Винни, а она точно даст?

– Даст, даст. Пошли!

И так продолжалось всю дорогу. Когда они подошли к дому Пятачка, у Винни-Пуха кончилось терпение. И он на очередной вопрос Пятачка: «Винни, а если она все-таки не даст?», ответил:

– А куда ты, свинья, нафик, денешься!

– Ну, Соломон... Прости Пифагор Соломонович, ты, что же меня к насилью подбиваешь? – обиделся Михаил, лицо его перекошило. – Да, мы с ней всю жизнь вместе прожили! Так не пойдет, лучше совсем никак.

– Соломоном меня весь район зовет, привык уже. Не ложится Пифагор на русский язык, а Соломон легко. Я с удовольствием побеседовал бы с вами на эту тему, она мне ближе, но сейчас, коллега, я должен вложить смысл жизни в остаток вашей жизни. Да и нашему более молодому коллеге (он пустил сноп искр в мою сторону) мы должны адекватно ответить на поставленный вопрос. «Даст – не даст», слава богу, таким ответом не является! – Пифагор Соломонович все более и более расходился. Он начал напоминать мне энергично картавящего Ильича из советского фильма: «Не надо, батенька, бояться человека с ружьем!» Если вначале два бенгальских огня искрились около его седого ершика, то теперь как будто полвагона жгло бенгальские огни, и в этом сиянии Пифагор Соломонович терял очертания и становился серебристо-прозрачным.

– Михаил, электричка уже замедляет ход, поэтому третий анекдот в ответ на вашу реплику.

За женщиной гонится огромный голый негр с огромным членом. Она убегает изо всех сил. Когда сил не остается она оборачивается и истерично начинает кричать ему: «Что вы хотите? Что вам от меня нужно?» Негр отступает, стыдливо прикрывает руками детородный орган, наклоняет голову и очень вежливо говорит: «Простите, мэм. Но это ваш сон».

Смех послышался со всех сторон, напор нашего лектора вышел за пределы первоначальной аудитории, а его попытка рассказать анекдот шепотом спровоцировала весь вагон прислушаться. Потому как самая важная информация всегда передается шепотом. Я уже представил, что Михаил сейчас встанет как Теклбери, из фильма «Полицейская академия» после признания, что он девственник, и, размахивая пистолетом: «А ну вы давайте пейте, ешьте тут», остудит любопытную аудиторию. Но притча про негра с огромным членом вообще ввергла Михаила в уныние. Однако Пифагор Соломонович не сдавался и напористо, как Ленин с броневика продолжал:

– Миша, существует сельская романтика: в стоге сена, на ржаном поле, на току, на свекольной ботве.

– На картофельных очистках, – не удержался я.

– Молчите, Андрей, с вами мы еще побеседуем. Да и что у вас кроме лавочки в парке?

– Как что?! Лифт, подъезд, пожарный балкон на 14-том этаже, последний вагон последней электрички метро, если повезет, конечно..., – список у меня был готов, но мне не дали его озвучить.

– Михаил, чувствуете, как нам с вами повезло?! Электричка останавливается, двери лифта открываются, в подъезде появляется гигантская тетка с мусорным ведром и везде запах мочи, неизвестного происхождения, и точно кошачьего ...овна! А у нас: запах сена, звезды и вокруг никого... – мечтательно рисовал пейзаж Соломоныч. Начитался, блин, русской классики!

– Онанировать и дома можно, – прервал я его, слегка обидевшись за урбанистический мир.

– Да не в этом дело, где, кто и как, – примирительно сказал Пифагор Соломонович, – вернее, в этом-то все и дело! Михаил, когда вы с любимой были последний раз в стогу, а вы Андрей в указанных вами местах?

– После рождения второй дочери, может, всего разок и было, в сене то, – сказал Михаил.

– Пару раз после свадьбы, – признался я, а так хотелось соврать.

– Вот вам и ответ, други мои, кто виноват и что делать, – удовлетворенно констатировал Пифагор Соломонович, – вы загнали своих жен в замкнутое пространство, задавили кучей обязанности, а теперь гадаете «даст – не даст». Выпустите их! Освободите от навязанной ответственности. От хозяйства. Дети пусть решают свои проблемы сааа-ми! Живите друг для друга: не ой, что-то у внучки нос сопливый, а ой, что-то ты, Мишенька, с утра не весел – не сходить ли нам сено потрусить.

– А я вроде не жаловался, – промямлил я, пытаюсь выйти из-под обстрела. Но не получилось.

– Андрей, человек, который едет один, все утро бубнит себе под нос «электричка везет меня туда, куда я не хочу» (это он пропел мне хмурым голосом Цоя) и задает вопрос, на который мы тут всем вагоном ищем ответ...

Теперь уже мне захотелось помахать огромным пистолетом – вы тут пейте, ешьте и пяльтесь в окно! Но тут я увидел лицо нашего потомственного комбайнера, пробирающегося к выходу. Он был счастлив! Невероятно! Несколько минут назад это был совершенно подавленный человек, которого, как мне казалось, пилил Соломон, наставляя на путь истинный. Теперь он сам светился как Соломон! Я не мог понять, чем вызвана такая перемена. То ли он получил истину, и теперь знает, как трусить сено? То ли оттого, что я, при попытке покинуть поле боя оказался единственной мишенью, а он вообще тут ни при чем?

Я немного успокоился, когда Пифагор Соломонович при прощании выдал Михаилу бескомпромиссное ЦУ: «У тебя запущенный случай. Вези жену к морю, там посуда-дети-поросята ее не догонят». Иначе, я бы решил, что эти два сушеных перца разыграли спектакль специально для меня.

Вместе с нашим другом механизатором сошло большинство аудитории, кроме нас с учителем словесности осталось человек пять или шесть размазанных по вагону в соответствии с законом случайных встреч.

Этот закон открыл я, но до сих пор не могу его сформулировать. Почему-то не выходит кратко.

Когда живешь в контрапункте с остальным обществом (все на работу – ты с работы, все с дачи – ты на дачу), степень твоей свободы возрастает, а встречи становятся интереснее и совсем не случайными. Непонятно? Представьте, Вы пешком пересекаете пустыню Кара-Кумы в поисках Куч-Ку-Дука... Хорошо, раз вам не нравятся Кара-Кумы, возьмите Гоби или Сахару. Лично я против Сахары – избитое название, а Гоби – горбатое, а Кара-Кумы – хоть конфеты, но вы вольны в своем выборе. Вы не переносите жару? О'кей! Вы поднимаетесь на кромку лунного кратера или спускаетесь по торосу в Антарктиде... Знать бы еще, как выглядит этот торос? Что-то среднее между тросом, торсом и трусами? Может, лучше будете спускаться по айсбергу? Эх, надо было вам сразу соглашаться на Гоби! Пар костей не ломит! Но не в этом дело! Идете вы там, где себе представили, и где никого нет и быть не может по определению. Все у вас хорошо: воды полный мочевого пузырь, кислорода целый акваланг и вязанные бабушкой шерстяные носки вместо термобелья. И вдруг, лоб в лоб сталкиваетесь с Васькой Табуреткинским! Только идиот может решить, что это случайность!

Единственно, я не совсем точно смоделировал условия, если вы в Антарктиде, то Табуреткин окажется полярником, если на Луне, то лунатиком, если на даче в понедельник – пенсионером, а если в пустыне, то верблюдом?! Кругом наши! Век бы их не видеть! Похоже у

меня трудности с формулировкой закона, но я его чувствую. Суть в том, что все наши с вами встречи не случайны, только когда живешь в толпе очень трудно распознать эту неслучайность. Видимо, на кратере вулкана проще. Взять хотя бы того же Пифагора Соломоновича. Я, наконец-то, запомнил последовательность его имени и отчества.

– Итак, Андрей, – обратился он ко мне, – продолжаем разговор?

– Продолжаем, – согласился я, улыбаясь. И взял эту фразу на вооружение. Соломонович вызывал во мне бешеную симпатию.

– Куда путь держим?

И я, пытаясь проникнуть во вселенную его сияющих глаз, рассказал: и про старика, и про маршрут и про свои сомнения... Нам уже никто не мешал, и не надо было размахивать пистолетом.

Пифагор Соломонович даже задумался. С него почти слетела оболочка игривости.

– Андрей, выход и вход – это почти всегда одно и то же. И на первый взгляд определяется направлением движения. Но на самом деле – только конечной целью: влезть или сойти. Помочь я тебе не смогу. Мы живем в Шаранге, это почти верховья реки, а заповедник – в среднем течении и даже ниже. Это другой административный район: ни знакомых, ни бывших учеников. И про твоего старика у нас никто не слышал. Но теперь я понял, почему ты задал свой вопрос. Но не знаю, что ты хочешь у него узнать... Ты сам-то знаешь?

– Нет, – честно ответил я.

– Так вот. Ты хочешь убедиться, что он не сумасшедший. Что с головой у него все в порядке. И что такой образ жизни не убивает человеческую личность и не вызывает деградацию. Тебе даже не интересно от чего убежал он, у каждого свои причины для бегства.

– Спасибо, – ошарашено поблагодарил я. Пифагору Соломоновичу удалось за несколько минут наполнить мое путешествие смыслом. До этого мое желание найти Старика было каким-то инстинктивным – просто увидеть. Я даже не знал о чем с ним говорить. Ай да царь, ай да Соломон!

– На здоровье, – продолжал он, – есть другая проблема, я возвращаюсь к твоему вопросу. Как написал Фридрих Энгельс «каждый человек нуждается во сне, пище и удовлетворении своих половых потребностей». Это друг мой физиология, без которой нельзя.

– Да ему за эту фразу памятник поставить надо, – согласился я, – если бы наши «товарищи» взяли бы ее на вооружение (он ведь все-таки был основоположником марксизма-ленинизма), Советский Союз до сих пор бы Стоял!!! Эта статья называется «О семье в буржуазном обществе», мы ее в университете проходили по предмету история КАПЭЭСЭС.

– После революции большевики реально пытались воплотить эту идею в жизнь, – продолжал Пифагор Соломонович, – ты что, никогда не слышал про лозунг, что женщины должны быть общими? Про коммуны?

– Слышал, – неохотно согласился я, – но так, на уровне слухов и легенд.

– Правильно, потому что они вовремя опомнились и потом стыдливо замалчивали сей факт своей истории как позорный.

– Но Энгельс то тут причем, – обиделся я за Фридриха, – почему общие женщины, а не мужики? Как это вообще могло сочетаться с идеей равенства и братства?

– И не сочеталось, ошибка вышла, – Пифагор Соломонович снова начинал заводиться.

– Да не поэтому, – возразил я. – Одно дело «обобществлять» чужое, тут мы все готовы! Другое – делиться своей женщиной. Знаете, я все-таки, сторонник идеи «поцеловал – женись».

– Не понял, – язвительно пропел Пифагор Соломонович, – где же соединяется признание секса физиологической потребностью и Ваше чувство порядочности?

– В семье, – четко ответил я, поражаясь, насколько быстро созрел ответ в моей голове. Я бы сказал, независимо от моего сознания. Или он там уже был? Вряд ли. Аналогично у меня в свое время выскочило «бомжом».

Соломон ликовал, он ревел как самец оленя после первых заморозков:

– Bravo! Отлично! Молодец! Пять баллов! – искры сыпались во все стороны.

– Вы, наверное, не только русский язык и литературу преподаете? – мне на миг показалось, что Пифагор Соломонович как то очень профессионально управляет ходом моих мыслей. И вспомнил, как сам преподавал в сельской школе, помимо химико-биологических дисциплин, и географию, и пение, и труд.

– Все подряд, – быстро ответил он, не желая менять темы. – А как же любовь, Андрей?

– У меня есть двоюродный брат, которого я не видел лет 25. Я еще учился в школе, а он пришел из армии, и мы встретились с ним на деревне у бабушки. И я ему задал этот вопрос. Он ответил буквально следующее: «Любовь – это почти выдумка. Настоящая любовь встречается очень редко, может быть одна на десять тысяч пар. Представляешь, как тебе должно повезти?! Остальные живут просто так».

С тех пор мы с ним больше не встречались, не сложилось. Но я до сих пор его сильно уважаю за ту, тогдашнюю мудрость.

Действительно, я знал нескольких женщин. Милые, нежные, добрые, но не способные любить. Ни тебя, ни его, никого. Они заботливые мамы, но материнская любовь это немножечко не то, это инстинкт. А любовь, про которую мы говорим, это продукт души. Безусловно, имеющий в своей основе половое чувство, но требующий хоть немножко самопожертвования.

– Андрей, а как Вы считаете, – Пифагор Соломонович снова перешел на «вы», – вам повезло? Он демонстративно рассматривал обручальное кольцо на моем пальце.

– Да, Пифагор Соломонович, мне повезло, – торжественно, как клятву проговорил я.

– Зачем тогда ты куда-то едешь и зачем тогда тебе Старик? – он медленно и отдельно произнес каждое слово вопроса и лукаво посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

– Андрей, – Пифагор Соломонович действительно стал совершенно серьезен, но от этого наша беседа потеряла цветность. – Не знаю, как тебе помочь, но только не рассчитывай на естественное затухание ранее затронутой потребности... «Венеру в мехах» читал?

– Слушал по радио «Литературные чтения», – ответил я, – запомнил, что автор Мазох, а не Садист, и мысль, если на работу ходишь каждый день, то и сексом надо заниматься каждый день.

– Молодец, снова в яблочко, – удивился учитель словесности, именно это я тебе и хотел сказать. – Возможно, в дебрях «уссурийского края» ты сможешь регулярно посещать стадо диких обезьян... Я бы сам, с удовольствием разок посетил, – Соломоныч улыбнулся (я бы ухмыльнулся), – но их там может не оказаться!

Андрей, знайте, при попытке затормозить или «соскочить с поезда» сразу начнешь болеть, дряхлеть, стареть. Регулярный секс – основа здоровья и долголетия. Регулярный – это когда два раза. Первый раз – утром, второй – вечером, и доживешь до ста лет. А не два раза в неделю. Возможно, если грызть осиновую кору можно это как то компенсировать, но я в этом деле не специалист.

– Пифагор Соломонович, – спросил я, – а как же мореплаватели, которые по несколько лет плавали, открывая новые материка?

– Андрей, друг мой. Кто из них доплыл обратно? – насмешливо ответил Пифагор Соломонович.

– Ну да, – растерянно ответил я, вспоминая уроки географии, – заболел на обратном пути и умер или съели, обычная история. Колумб, кажется, умер в старости и бедности. Это потому что вовремя доплыл до женщин Америки?

– В любом случае, ваши инсинуации не уместны, – сказал Пифагор. – О великом предназначении, о долге, о защите Отечества в твоём случае речь ведь не идет?

– Не поверишь, Пифагор Соломонович... я бы сейчас сходил на войну, – и опять ответ сгенерировался из неосознанных глубин моего подсознания. Удивительно, что Пифагор, вообще не удивился. Мой неожиданный для меня ответ не был неожиданным для него.

– Андрей, формы твоего черепа, а именно твой широкий лоб, не позволяет мне записать тебя в разряд «узколобых», – ответил он, – вряд ли ты желаешь кого-то либо убивать. Для этого тебе нужна красивая идея. Всеоправдывающая. Откуда ей взяться? Сейчас защита Родины, это защита чьих-то денег, а ты на идиота не похож.

– Спасибо, Пифагор Соломонович, – искренне ответил я, – но когда мы со сверстниками на несколько дней застряли на призывном пункте в Дзержинске и занимались тем, что копали траншею под какую-то канализационную трубу, мы мечтали, чтобы нас призвали в Афган. И я до сих пор вспоминаю это с гордостью, а ты утверждаешь, что я не узколобый. Убить кого-либо во время боя достаточно сложно, палишь на стрельбах из автомата по мишени и хрен попадаешь. Это только в кино: бах и труп, бах и труп. Патроны давно кончились, а все равно: бах и труп. Для меня война, это когда сырой с ног до головы, весь в грязи, трясешься от холода, а дождь не кончается, негде укрыться и даже присесть. Хочешь есть – а нечего, или еще хуже: есть сладкая булочка, и есть выбор, съесть «в тихушку» или поделиться. Легко отдавать то, чего у тебя много, а делиться последним – это очень тяжело. С одной стороны – сила духа, с другой – позор, который всегда с тобой. Поступать достойно легко только лежа на диване, не снимая домашних тапочек.

– Солдат должен стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, – процитировал устав Пифагор Соломонович, – но вряд ли ты нуждаешься в лишениях?

– Нет, конечно. Особенно не переношу холод. Но жизнь с годами стала такой скучной, а цели такими примитивными... Мысль о том, что в космос уже не слетать, нисколько не пугает и не печалит. Потому что не очень-то и хотелось... И каждый день одно и то же, и каждый год одно и то же! Уже сам себе неинтересен. С людьми общаться неинтересно. Они говорят и обсуждают одно и то же, изо дня в день, из года в год. Особенно раздражают теле-радио-наше ведущие. Они уверены, что они особенные личности, не такие как мы, и знают о нас все. От них прет сытостью, и скрывая презрение, они учат нас как надо правильно жить и пытаются доказать какие мы все, в сущности, ...овно и сволочи. Но последнее для нас не является секретом, мы и сами догадываемся, а они, похоже, нет. Поэтому с их стороны это самонадеянно. А с помощью слов человечество изменить в принципе уже нельзя. «Все давно сказано, и к сказанному добавить нечего».

– Андрей, представь, если бог все-таки спустится на землю, – глаза старика впервые потухли, – он их первыми призовет к ответу?

– Нет, конечно. Сначала всех попов...

– Так они же слуги Господни? – наигранно спросил Пифагор Соломонович, но я реально почувствовал волну уважения, идущую ко мне. До этого я чувствовал, в лучшем случае только интерес.

– Сфигали?! – не выдержал я. – Тогда я буду его референтом. Можно?

– Можно, – тихо ответил Старик, и последняя искра в его глазах исчезла под слоем пепла. Он сразу постарел, вся его спортивность и энергичность исчезли, ершик пригладился. «Ильич сдох, а я Фроська Каплан».

Но образ Ильича в подтяжках, объявляющий о начале дискотеки, мне больше нравился, и я начал снова раздувать огонь. В результате, мы пришли к обоюдному решению, что путь к

богу лежит НЕ ЧЕРЕЗ ЦЕРКОВЬ. Что даже политики, по сравнению с церковниками, просто «белокрылые лошадки», и их можно, хотя бы теоретически, поменять. Что безнравственность церковников, не в том, что они торгуют свечками и ритуалами, а в том, что они нарушают антимонопольное законодательство. Узурпировали нашу дорогу к Всевышнему, и пытаются никого не пускать мимо своей церковной кассы. Все кто напрямую к Богу – все враги. А иначе этот самый остроумный бизнес и не сохранить. И так уже более двух тысяч лет. Папе Богу, и его семье, где все мужики, вряд ли это может нравиться, и когда у него кончится терпение одному ему известно. А Пифагору Соломоновичу грустно, что большинство не знает другого пути, а меньшинство вообще потеряло ощущение своей связи с вселенским разумом. Это самые страшные люди, они и не верующие и не атеисты. У них сбой в программе уже в третьем поколении. Помолвились и пошли убивать, или наоборот. Им по-тромбону, есть ли жизнь на Марсе или нет, нет вопросов – нет ответов.

После нашей теологической беседы, Пифагор Соломонович понемногу пришел в себя и снова начал источать свет. Приближалась моя станция, и он пошел проводить меня в тамбур. Когда двери электрички открылись, мы с ним очень тепло и крайне неохотно попрощались. А напоследок, уже стоя на перроне, я задал ему последний вопрос:

– Ильич, а женщины будущего будут носить лифчики?

Обращение «Ильич» его нисколько не удивило. Но ничего не ответил «проклятый старик». Слепил меня улыбкой Чеширского кота и «умчался прочь на своей электричке». А я стоял на перроне и думал, что это было? А было это похоже на шутку «тихо сам с собою». Потому как ничего нового я от Пифагора Соломоновича не узнал и не услышал, даже анекдоты все были старые. Как будто душевно пообщался с зеркалом, а это, похоже, плохо влияет на психику. Мои мысли явно нуждались в дефрагментации, а от эйфории свободы полета не осталось и следа. Я снова побаивался смерти. Единственный вопрос, на который я не знал ответа, так и остался без ответа. А может быть это сейчас самый главный вопрос?! «Жизнь цепь, а мелочи в ней звенья, нельзя звену не придавать значенья».

И я продолжил свой путь, не зная, где заканчивается вопрос и начинается ответ. А может все вопросы риторические? Но, это вряд ли.

Глава 2. Большие дивиденды, или пока мы не научимся летать

Автовокзал в Пыре находился напротив железнодорожной станции. Перейдя небольшую площадь, я сразу оказался у билетных касс. Работало только одно окошко. Я занял место в шумной очереди и начал изучать схему автобусного движения в районе, висевшую на стене. И тут меня прострелило! Прямо в голову! Слева направо.

Чем-чем? Видимо, собственной глупостью. Сейчас я возьму билет до Перерывов и окажусь в среднем течении реки. Намного выше начала заповедника. А мне надо попасть ниже по течению, где заповедник уже заканчивается. Именно там, по слухам и должен обитать мой старик. И зачем я приперся в Пыру? Надо было сесть на автобус и доехать до Старого Яра, там контора заповедника и приблизительно его середина.

Сказалась привычка. Если путешествуешь по реке, путешествуешь всегда сверху вниз, по течению. Да и путь свободного человека должен был обязательно начаться с рельсов и шпал, уходящих вдаль. Но теперь я даже дальше от цели, чем лежа на диване дома. Это если в километрах.

Я задумался. Кайфа от процесса всегда больше, чем от результата; но если цель оказалась недостижимой, кайф от процесса тоже исчезает.

Мои умозаключения были прерваны строгим голосом из окошечка: «Мужчина, вы едете?» Кассирша была очень даже ничего. Обычно таких берут на бензоколонки, для привлечения клиентов. Я купил билет и подумал про нее: «Зачем ты тут сидишь?! Муниципальное предприятие: работы много – денег мало. Могла бы работать на бензоколонке». Потом вспомнил, что это Пыра, и здесь любая работа, как удача. Особенно на автобусной станции. В центре города, официальная зарплата, мужики куртуазные, вроде меня, попадают. Мне то, конечно, некогда – через 20 минут автобус. Но я успел оценить прикид банковской служащей в окошечке кассы.

Дорога до Перерывов была просто «разбомблена». «Пазик» пробирался по асфальтовой колее, то и дело выезжая на обочину, где только представлялась такая возможность. Опытность водителя и его знание рельефа местности совершили очередное чудо. Ровно через час. Преодолев 30 километров пути. Строго по расписанию. Под аплодисменты пассажиров. Местная традиция – понял я. Автобус пересек мост через Сежу и триумфально «приземлился» в Перерывах. Весь путь, сидя на заднем сиденье, я пытался обдумать дальнейшие действия. Но постоянно вытянутая вверх рука, чтобы не пробить головой потолок при очередной турбулентности, мешала мыслительному процессу. Только выйдя из автобуса, и заполнив легкие воздухом с реки, я успокоился. Вариантов как будто много. Традиционно хотелось спуститься по реке. Перерывы – место, где байдарочники, плывущие с верховий, заканчивают поход. Или плывут дальше. Но все равно останавливаются, чтобы пополнить запасы хлеба и пива: сельский магазин расположен очень удобно, у самой реки. А другие здесь только начинают свой поход. Те, кто заканчивают всегда с завистью смотрят на тех, кто плывет дальше. Это закон жизни, даже несмотря на дождь, мы всегда завидуем тем, кто идет дальше нас.

На противоположном берегу, сразу за мостом, ниже по течению я заметил группу ребят, собирающих байдарки. Они стартуют отсюда, понял я. Может напроситься? Свободные места в байдарках – не такая уж и редкость. Правда, запасные весла берут только придурки или чайники, которые просто забывают выложить лишние. Но я готов грести за всех. Или по очереди. Только зачем я им? Обонянием я, конечно, наделен. А вот обаянием – вряд ли. Да я и не готов сыпать всю дорогу короткими смешными историями... с неожиданной глупостью в конце. Один мой знакомый, с которым я, кстати, плывал на байдарках, сказал, что на байдарках

плавают только хорошие люди. Чушь! Как раз те, кто не могут утонуть в силу своей природы, те и плавают. Эх, и почему мне так не нравятся люди?

Несмотря на идиотское сочетание звуков в слове «байдарка»: звучит, как будто рвется брезент. Байдарка – это телепортационная капсула, которая перемещается по воде. Главное – найти силы оттолкнуться от берега. Не у каждого это получается. Но если смогли, если получилось – вы в другом измерении. Пересекаете пространство вместе со временем. Один взмах весла и время отстало. Не беспокойтесь. К утру, пока вы будете спать, время вас нагонит. И с первыми лучами солнца, уткнувшись в крышу вашей палатки, в мире снова наступит гармония.

Телепортация может завести вас очень далеко. Туда, где не ступала нога человека, только перепончатые лапы ваших коллег с дюралевыми веслами вместо рук.

Что еще мне всегда нравилось в байдарках, это грузоподъемность. Заходите в подъезд обычной девятиэтажки, а там над дверью лифта красной краской написано: «Г/п 380 кг или 5 чел». Это и есть грузоподъемность байдарки «Таймень-3». Пять человек, конечно, не посадишь. Максимум четыре. Четвертый в грузовой отсек, но тоже с веслом; пассажиры не приветствуются, дети тоже гребут. А уж если без четвертого, тогда можно со всем нажитым за долгие годы барахлом, предварительно пропущенного через гидравлический пресс.

О! И, конечно же, Роберт Льюис Стивенсон! Тот самый, кто написал «Остров сокровищ», тот самый, кто написал «Вересковый мед» (он еще много чего написал). И тот, кто сумел наполнить байдарки смыслом. А Роберт то Льюисович, безусловно – классик. И к классикам принято прислушиваться, если вы, конечно, не последний гопник. Книга называется «Путешествие вглубь страны». 1878 год. Можно считать, это первым описанным случаем, когда байдарки использовались для путешествия, а не для спорта, охоты на тюленей или рыбной ловли. «Трое в лодке» появились существенно позднее, но тоже здорово, и тоже про это – вниз по течению. Стивенсон описал это так: «Я каждую минуту жил за троих. С каждым ударом весла, с каждым речным поворотом я выигрывал десять очков у смерти. Мне редко удавалось получать с жизни подобные дивиденды». Он назвал это «забить в мужественный барабан».

Да, был бы у меня барабан, а лучше несколько, я бы связал из них плот и сыграл «Болеро» Равеля на речной ряби. А пока? Пока только так! То есть пешком. И я направился вглубь страны на своих двоих.

Если честно, я всегда предпочитал пешее изучение территории. Даже проплывая мимо на байдарке, мне всегда хотелось выйти и посмотреть, что там на берегу.

Пока мы не научимся летать, а еще лучше телепортироваться...

С нашими дорогами нам давно следовало бы научиться, или первому или второму. Передвижение пешком остается высшим проявлением человеческой свободы. Ни машина, ни другое иное средство перемещения на углеводородах, ни воздушный шар, ни байдарка или лодка, ни велосипед, и даже не выючное животное, в виде осла, оленя, верблюда, слона или коняшки не обеспечивает такой степени свободы, как наличие двух ног. Это не только влево, вправо или иное перемещение по плоскости, это еще вверх и вниз. Если в машине кончится бензин, она остановится. Если в вертолете кончится керосин, он рухнет. Если в реке кончится вода, или река повернет направо, а вы хотите налево – всё: вы приплыли. Если ослик устанет – из ослиной кожи сделают барабан, если верблюд устанет, он плюнет вам в рожу: он точно церемониться не будет. Если устанете вы, вы все равно сможете идти вперед, потому что человека ведет по жизни сила воли, а не мышцы. Получается, не руки превратили обезьяну в человека, а ноги? Нет, дело не в конечностях, хвостах или инстинктах, все дело в духе. А это уже божественное. И еще философия: пешком – это не значит как можно быстрее попасть из пункта А в пункт Б. Самое главное, если ты отправился в путь, НИЧЕГО НЕ ПРОПУСТИТЬ по дороге. Этим свойством, в полной мере, не обладают даже мои любимые байдарки.

Так думал я, ловя кайф от прямохождения. Конечно, если бы мой рюкзак не был бы таким легким, моя одухотворенность чудесным образом превратилась бы в мат и раздражительность. Но я хорошо приготовился к путешествию: синтетический спальник с температурой комфорта минус 10 градусов, нейлоновая куртка с надписью «ЛДПР» без какой-либо подкладки (скорее дождевик, но по пояс), зато халевная. Аббревиатура, придуманная кем-то, Ленивые Додоны Предатели России – очень хорошо подходила для описания меня в сегодняшнем историческом моменте и не вызвала протеста. Запасные трусы и плавки, футболка, три пары носок, «хоккейные рейтузы» – проще говоря, серые плотные трико; очень тонкий свитер, блокнот, ручка, нож, ложка, маленький котелок, кружка, сотовый телефон, коробок спичек в пластиковой баночке из-под «Морского коктейля», зубная щетка и паста «Колгейт». Я, конечно, знал, что зубы можно чистить углем от костра, но морально не был к этому готов. С точки зрения цивилизации, вкус зубной пасты во рту – это и есть вкус утра, а никак не чашечка кофе, как утверждает телевизор. После чашечки кофе запах из-за рта как от выкуренной сигареты, а это уже на любителя. И никакой романтики! Какая уж тут романтика – целоваться с пепельницей. Другое дело – влажные губы, пахнущие свежестью и мятой.

Таким образом, моя ноша не давила на плечи, но спина под рюкзаком все равно была мокрая. Несмотря на начало мая, солнце пекло как летом, на голубом небосводе – ни облачка и температура была не ниже 24 градусов. Благодаря своему юношескому опыту хождения вдоль Сежи, я знал, что дорога проходит далеко от берега, и запасся «полторашкой» воды из последнего колодца в Перерывах. Из еды у меня было две банки прибалтийской кильки в томатном соусе, батон и пачка рожков, прихваченных еще из дома. Несмотря на то, что соли у меня не было (как и сахара с заваркой), рожки я, видимо, собирался грызть. В местный магазин я не зашел принципиально, чтобы в буквальном смысле, не отягощать предстоящий путь материальными излишествами.

Глава 3. ГМО, яичница и божий дар

Несмотря на слухи, что от Перерывов до Летуново построили дорогу и туда даже ходит рейсовый автобус, дорога так и осталась мечтой местных жителей. Вернее, дорога была, но точно такая же, как двадцать лет назад – песчаная колея для лесовозов. Я решил до вечера дойти до Летунова, чтобы завтра за световой день пересечь заповедник. По пути была еще одна деревня, кажется Арья. Но она произвела на меня такое жуткое воздействие, что я поспешил ее проскочить. Вдоль дороги стояли дома, темные слепые окна без занавесок; ни одной живой души, ни курицы, ни кошки; и нет звуков. Гробовая тишина и полное ощущение, что на тебя со всех сторон смотрят и не видят. Я чувствовал взгляды затылком, я слышал их ушами, я видел их перед собой. Улыбка Чеширского кота – это нифига не весело!

Я помню, двадцать лет назад, когда мы с Диманом проходили это село, ярко светило солнце, и под присмотром бабушек играло множество детей всех возрастов. Здесь было весело, шумно и никто не собирался умирать.

Летуново встретило меня благодушно. Дома стояли прямо на берегу, и текущая вода берегла ауру села. Спустившись к берегу, чтобы умыться, я тут же натолкнулся на трех грудастых девиц, возвращающихся с реки. Ультракрашенные волосы и кассетник в руках выдавали в них представительниц городского стада недойных коров. Им было очень скучно. Мое неожиданное появление их слегка взбудрило, но ненадолго – батаны и лохи их не интересовали. Я поинтересовался, нет ли в селе магазина. Они мне пообещали киоск со сникерсами. Это было очень кстати, потому что пора было подумать и об ужине. Но когда я снова столкнулся с девицами уже на улице, на мой вопрос: «Ну, где же тут киоск?» Я получил удручающий ответ: «Какой тут нафик, киоск». Мне даже показалось, что они пожалели о своей шутке в силу грустности существующей действительности. И все же спрашивать у них, где бы мне тут переночевать, я не рискнул, боясь нарваться на новые скидки и бонусы.

Зато первая встретившаяся старушка тут же направила меня к нужному человеку. Нужным человеком оказалась баба Варя. Она предложила мне пустующий дом своей матери и, распознав во мне городского ребенка, тут же сообщила, что дом продается, я могу осмотреть его с пристрастием и оценить пригодность к дачной жизни. Единственное табу, которое наложила баба Варя, это не топить печь. В силу того, что ей уже несколько лет не пользовались, и старушка не знает в каком она состоянии.

– Сколько с меня полагается за ночлег? – поинтересовался я.

– Да, давай, сколь не жаль. Рублей двадцать, или тридцать... А то и ничего не давай, – предложила баба Варя. – Живи так, и сколько хочешь. Мы тут каждому новому человеку рады, а не то будет как в Арье.

– А что бабушка, в Арье не так?

– Да, нечисто там, сынок. Мы когда мимо едем всегда молимся, – сказала баба Варя и перекрестилась.

– И помогает?

– Не всегда, – призналась старушка. – Позапрошлой зимой сосед мой, Матвей, вернулся с вахты, с Москвы, шел домой и не дошел. Приехал то рано, на обеденном автобусе. В Перерывах все его видели, как сходил с автобуса, как вышел за околицу и пошел по дороге. Пошел, да не дошел. Из пункта А вышел и опаньки! Ни одной косточки по всей округе до сих пор не нашли.

– Может из-за денег убили? – предположил я самый тривиальный сценарий. – После вахты обычно с зарплатой возвращаются.

– Да у нас душегубство как-то не принято. Баловать – балуют, а так чтобы – нет. И посторонних зимой у нас не бывает, дачники и «туристы» дома сидят. Милиция уже на следующий день стала искать. Нюра-то мужа с вечера не дождалась, так утром уже всех на ноги подняла.

В Перерывах всех пересчитали, всех записали. Кто приехал на автобусе, кто уехал, к кому на машине приезжали, когда уехали. А по следам то и определили, что дошел наш Матвей до Арьи, да там и сгинул. Вот есть след, а вот и нет следа. Опаньки! – старушка прочертила руками в воздухе, где был след и где его не стало.

– А что все-таки с селом случилось? – спросил я, снова вспомнив жизнерадостную картинку двадцатилетней давности.

– Да как-то, в одну зиму, все покинули село. Оставалось несколько старух, да и те на зиму к детям в город перебрались. Совсем село опустело. Вот они и вернулись.

– Кто? – не понял я.

– Предки. Стали из могил и пришли, – без тени сомнения повествовала баба Варя.

– Зачем?

– Грех это страшный, когда бросают насиженное место. Сколько поколений трудилось не покладая рук, чтобы село отстоять. И на тебе. Все бросить! Там где отец твой сажал картошку, там, где дед твой сажал картошку, там, где прадед твой сажал картошку, там, где прапрадед сажал картошку или сводил лес, чтобы потом посадить картошку... А ты, вдруг, говоришь: «Хватит», и рвешь ниточку поколений. А без этой ниточки ты перекаати-поле, и не будет тебе счастья ни в этой, ни в другой жизни. Потому что нельзя без корешечков-то. Вот мертвецы и не вынесли поднесенного позора, перевернулись в гробах и вернулись в свои дома. Вот тебе и опаньки!

– Это, что легенда? – не поверил я.

– Да уж, какая тут легенда, – с досадой сказала баба Варя, – там теперь даже у ни во что неверующих волосы на голове шебаршатся. Даже дачники и те разбежались. Ты- то сам как прошел?

– Почти бегом, – признался я.

– Ну, вот видишь. Ты хоть молитву каку-то знаешь?

– Нет, – снова признался я.

– Ты когда обратно пойдешь, обязательно ко мне загляни, – строго наказала баба Варя, – я тебе молитву с собой дам. И лучше бы с кем-нибудь на машине, не надо то одному.

«Опаньки!» – сказал я про себя, – Хрен я теперь пойду обратно! Фигушки! Только вперед. Пусть лучше меня застрелят в заповеднике как посягателя на все живое, чем я буду знакомиться с чьими-то предками».

Я отдал бабе Варе сто рублей за ночлег, но ее реакция меня насторожила. Она не только не обрадовалась, но еще и посмотрела на сторублевку как на фантик от ириски. Я стал подозревать, что деньги тут, вообще, не в ходу.

– К вам автолавка приезжает? – спросил я осторожно.

– А как же, – с гордостью ответила баба Варя, – два раза в неделю по понедельникам и четвергам. Что закажешь то и привезут. У нас тут цивилизация, ты не думай. Так что посмотришь к дому-то. Дом крепкий, и я много не попрошу. Смотри, какая благодать вокруг. Река рядом, лес рядом; грибы, ягоды, рыбалка, а воздух то какой. А тишина... Только птички посвистывают. Кладбище, конечно, у нас тут тоже рядом, но с покойниками мы дружим, читаем и законы предков блюдем.

Пока я осматривался в доме, баба Варя принесла кринку молока и с десяток яиц. Узнав, что хлеб у меня есть и хлеба мне не надо, она вздохнула с облегчением. Вот что тут, оказывается, ценилось больше денег. Выяснив, что я не курю, старушка совсем успокоилась и ушла восвояси.

Дом был действительно большой, состоял из просторной кухни и огромной комнаты. И тут я вспомнил, где я видел подобную планировку. Картошка перед вторым курсом – нас поселили точно в таком же доме. Пятнадцать дев и мы с Юриком. А что делать, на биофаке такое соотношение полов. Вся изба, как казарма, была заставлена раскладушками, но все «бабы»

уместились. Понятно, что мы с Юрой спали отдельно, в какой-то подсобке. Удивительно, что тот дом был в южном районе области, а этот в северном. Один в полях, второй в лесах. Расстояние между ними километров двести, может триста, а проект один и тот же. Для меня это, вообще, непостижимо, а для краеведов – загадка.

В избе, кстати, был очень затхлый воздух. Окна не открывались, так как зимние рамы не были убраны. Их, наверное, перестали убирать с тех пор, как умерла хозяйка. Здесь я точно спать не буду.

На кухне вторых рам не было. Я открыл форточки на обоих окнах и распахнул двери в сени и на крыльцо. Весенний сквозняк ворвался в дом и выдавил зимние субстанции вон. Вместе с ним с улицы вошли звуки и наполнили пространство кухни жизнью. Совсем другой колорит, решил я и задумался о еде.

Молоко. Молоко я с детства не люблю, во всяком случае, коровье. У бабушки была коза, а после козьего молока, коровье как вода. Как молочное мороженое после пломбира в шоколадной глазури. Козье я усиленно пил, чтобы вырасти. Козье молоко всегда разное на вкус: то просто травяное, то ромашковое, то со вкусом зверобоя или горькое от полыни. И где только эти козы морды ее находят. Если бы я знал в те времена про абсент, я бы с большим усердием отнесся к изучению данного вопроса. Но тогда меня занимал только один вопрос, если я буду пить больше молока, я еще больше вырасту? А, если совсем не буду пить, стану карликом?

Конечно, молоко надо пить. Но до тех пор, пока оно на губах не обсохло. А вот когда обсохло, тогда полезнее абсент. К сожалению, старушка подогнала не тот продукт. Если я сейчас хряпну пару кружек молока, это спровоцирует такой путч и восстание на Желудочно-Кишечном тракте, что народные волнения не утихнут до утра. Видимо лактаза лактозу не переваривает, но зато китайцы живут дольше.

Теперь яйца. Яйца – это всегда круто, даже если это не божий дар, а яичница. Эталон белка по версии ЮНЕСКО. Кстати, яичница – отличная идея. А может выпить сырыми, чтобы не возиться? Главное, натрий-хлор где-нибудь добыть. А как же сальмонеллез, петушинный грибок, куриная слепота? Последнее, по-моему, просто цветы: лютик едкий, а не болезнь. Но народ-то врать не будет? Даже если нет куриной слепоты, точно есть куриная безмозглость. А, ну это точно чисто женская болезнь, и мне, по-видимому, не грозит.

И все-таки лучше яичница – sunny side up – «солнечной стороной вверх!», как говорят французы, чисто по-английски. И я начал искать сковороду.

Удивительно, но в доме было все, как будто хозяйка просто выехала погостить на тот свет, но обещала вернуться. Надеюсь не сегодня. И я снова вспомнил Арию.

Все кухонные принадлежности: вилки, ножки, ножи; посуда, кастрюли оказались на месте. Сковородок было несколько. Не дом, а музей быта. Я нашел даже соль. Кристаллики перекачивались друг через друга, когда я наклонил баночку. Или крышка хорошо притерта, или дом действительно не пропустил сырость внутрь себя.

Из окна кухни был виден уличный журавль и памятник воинам-освободителям. Ведро я без труда нашел в сенях. Целых два ведра висели на длинных гвоздях, вбитых в стену, почти у самой двери. Когда я уже вытаскивал ведро воды из колодца, опасаясь, что сейчас «журавль» выдернет меня вместе с ведром... Подошла женщина и помогла мне не стать Буратиной, болтающимся в воздухе. Сказала, что конструкция данного колодца действительно неудачная и несбалансированная: одному трудно справиться с ведром. И посоветовала за питьевой водой ходить к колодцу возле церкви.

Когда я намыл чугунную сковороду средних размеров, и наблюдал, как капли воды скапывают с ее поверхности... Только тогда я осознал, какой же я идиот, обвинив во всем духов Арию, которые высосали мой мозг. Прежде чем намыывать чужую сковороду, надо было сначала решить, на чем я ее буду разогревать? Печь топить запрещено!

Нифига меня не остановишь, уж если я решил, сырые яйца есть не буду. Сейчас пойду в огород, наберу какого-нибудь мусора под кустами крыжовника и запалю костер, сожгу пол деревни, но яичницу зажарю. Я видел в Летуново несколько сгоревших домов: видимо тоже яичницу готовили. И тут я вспомнил историю с той самой «картошки».

На самом деле мы не собирали картошку, мы работали на току. Перелопачивали зерно из одной кучи в другую, чтобы оно не прело, а сохло. Возможно, даже грузили в трактора, но это я плохо помню. Работа была пыльная, но более легкая, чем картошку под дождем собирать. И у нас был большой обеденный перерыв – два или даже три часа. Мы возвращались в дом, где девушка Маша, освобожденная от полевых работ, кормила нас обедом. Также она кормила нас завтраками и ужинами. После обеда у нас оставалось время поваляться на кроватях и даже вздремнуть, прежде чем снова тащиться на ток. Можно сказать, фиеста. Только в наших краях фиеста в сентябре-месяце очень убогая. Она и летом-то никакая. И вот вместо послеобеденного отдыха, я предложил Юрику истопить хозяйскую баню, чтобы помыться после работы. У Юры фамилия была очень необычная, то ли Рябоконь, то ли Конская кожа, то ли все вместе. И он упирался всеми четырьмя копытами, чтобы только не работать. Но я со своим хозяйственным напором и личным примером, кого угодно заставлю на себе воду возить. Колонка была не у самого дома, а уж баня, вообще, хрен знает где, почти в овраге, на краю усада. Уж, если так боишься пожара, лучше совсем не мыться, чем ставить баню у черта на куличках. Вода нам далась очень тяжело, Конь все время взбрыкивал и пытался покинуть дистанцию. Но мы натаскали полный бак для горячей воды и бак для холодной. А с дровами был полный пролет. В полях, в принципе, плохо с дровами. Мы собрали весь мусор во дворе и огороде, какие-то доски, поломали часть сгнившего забора, стырили два березовых полешка у соседей, которые те не успели спрятать. Затапили печь, и ушли на работу. Вечером мы нашли баню совершенно холодной, вода в котле была чуть тепленькой.

«Мы с тобой прямо как китайцы, – сказал тогда Юра, – они запустили ракету в космос. Ракета пролетела три метра, и кончились дрова»

Да. Прошло двадцать лет. И где теперь китайцы? Мы-то все там же. На том же самом месте. В нетопленной бане. Сковородку вскипятить не на чем!

Возможно, растопи мы тогда баню, мы бы изменили судьбу страны, и до сих пор бы смеялись над китайцами. Неисповедимы Законы Вселенной. И во всем виноваты мы с Юркой. Потому что нельзя бросать начатые дела.

Посещение прошлого дало свой результат. Я понял, что Маша не топила печь, чтобы накормить нас обедом или ужином (дров то не было!). И тут же обнаружил электроплитку, которая стояла буквально перед моим носом. Конечно, Маша не готовила на электроплитке, она готовила на плите. Я даже вспомнил, как мы добывали газовый баллон в колхозе, но это уже не имело никакого значения.

Плитка заработала не сразу. Сначала пришлось включить пробки в доме, но с этим я быстро разобрался. Водрузив сковороду на светящуюся спираль, я снова вспомнил Машу.

Маша специализировалась на кафедре молекулярной биологии, а я на кафедре зоологии. Где мы с ней пересеклись, я не очень понимаю. Но это точно была не защита дипломов, а много раньше. Она читала доклад о своей работе на кафедре. Возможно, это был семинар, когда всему курсу читали молекулярную биологию. Доклад начинался примерно так: «Известен факт, что если человек поест свиное сало на голодный желудок, то молекулы свиного жира могут откладываться в организме человека в неизменном виде (перевожу: в свинячем виде?!) и далее не принимают участия в метаболизме». И я видел собственными глазами, как завкафедрой,

умнейшая женщина, доктор биологических наук в этот момент кивает головой, подтверждая, что действительно, это так. Далее Маша рассказывала про свои опыты, но судьба белых крыс меня мало интересовала. Я до сих пор воспринимал бы это как научную ересь, если бы мой научный руководитель не рассказал то же самое о свиньях. Он какое-то время жил на побережье то ли Азовского, то ли Каспийского моря и там свиней откармливали рыбой. Так вот он говорил, что свинину есть, было невозможно – полное ощущение, что ты ешь рыбу. А что нам говорит школьная наука? Что все белки в процессе пищеварения расщепляются до аминокислот, из которых потом синтезируются белки человеческого тела, согласно генетическому коду.

Двадцать лет прошло. Появилось ГМО. А я до сих пор не уверен, что если питаться зебрами, у тебя не может появиться полосатый внук.

Вот мне и подумалось: если сейчас, на голодный желудок, я съем десять сырых яиц, не стану ли я немного курицей? Ну, нет! Одно дело мы и свиньи – практически одно и то же, и по инсулину и по характеру; другое дело мы и куры. Однако... это как свиньи и рыбы? М-да?!

Все-таки пищу надо термически обрабатывать. Те, кто обрабатывает, те и выиграла в эволюционном процессе, это факт, и не надо об этом забывать. Они просто стали жить дольше и успевали накопить больше знаний и передать их следующим поколениям – простейший способ сохранения накопленной информации. Физическая сила рождает тупость, обработанная пища рождает интеллект. Интеллект порождает мысли. Мысли, даже немислимые на первый взгляд, выдают решение. Я понял, как решить задачу, если все что «дано» надо съесть и в ответе получить ноль. Омлет!!! Все-таки математика правит миром, не говоря уже про кухню.

О, омлет! Омлет – это вам не яичница, которую случайно изобрели, уронив яйцо на раскаленный камень. Омлет – это мыслительный процесс. И молоко здесь самый главный ингредиент. Но в законе подлости «сбежавшее молоко» занимает место впереди «бутерброда с маслом», потому что сбегает оно молниеносно подло. Еще я знаю, что электроплитка крайне инертный нагревательный прибор, практически не поддающийся регулировке. А если омлет подгорит, это будет отвратительно, лучше сразу превратиться в курицу. Да, я устал, потому что прошел 3,5 часа пешком; да, я голоден так, что руки трясутся; да, мой мозг высосали мертвецы, а мою самооценку – грудастые девицы. Но я должен собраться, должен сконцентрироваться, не думать ни о чем постороннем, не смотреть по сторонам, не отвлекаться, все заранее рассчитать, взвесить и приготовить. Невозможно представить, что еще утром я был дома, в своей квартире.

Я закрыл все двери на крючок. Я отключил плитку, чтобы она не перегрелась. Я подобрал крышку для сковородки. Я измерил водой, сколько стаканов молока уместится в сковороду, с учетом процесса взбухания. Я заменил сковородку на другую, более глубокую, вымыл ее и тоже подобрал для неё ту же самую крышку. Нашел венчик – пружинку, продетую в петлю с ручкой. Подобрал миску для смешивания ингредиентов. Открыл баночку с солью. Снова воткнул штепсель в розетку и началось! Пропорции я установил заранее. стакан молока – два яйца, венчик; стакан молока – два яйца, венчик; стакан молока – два яйца, венчик. И так до тех пор, пока яйца не закончились. Соль по вкусу, последние обороты венчиком, и я выливаю чуть желтоватую массу на разогретую сковороду. И тут же отключаю плитку от розетки. Секунд через 30-40 снова включаю плитку, слегка помешиваю содержимое, и снова отключаю плитку. Когда почувствовал, что содержимое густеет, накрываю сковородку крышкой и больше не вмешиваюсь в процесс. Но секс штепселя с розеткой продолжается до самого конца – я слежу за ними как последний извращенец. И вот я кончаю! В последний раз разъединяю органы электрической любви и, напевая: «Любовь идет по проводам», не торопясь нарезаю батон. Торопиться некуда, уже ничего не убежит и не подгорит. Чудо свершилось, только ему надо немного остыть.

Когда содержимое первой транспортной ложки сходит на берег, и нежная невесомая масса касается языка – вкусовые сосочки заходятся в экстазе. Я осознаю целую вечность, и еще один день, бесконечный день. И этот день мой.

Глава 4. Мари и Хуан

Ночь выдалась тоже бесконечной – трупачи всю ночь тянулись ко мне и пытались догрызть, но мне было уже почти все равно. Я вскочил «с первыми лучами солнца» (правда, лучей еще не было, лишь слегка забрезжило) и только поэтому, видимо, я уцелел. Я пообещал себе больше никогда не ложиться спать!

Остатки холодного омлета и конец вчерашнего батона составили мой завтрак. Оставив на столе лишнюю сотку для бабы Вари, я тихонечко прикрыл дом и вышел вон.

Сначала я решил спуститься к реке, чтобы сориентироваться на местности. Почти у самого берега стояла обгоревшая деревянная церковь. Она была совсем не похожа на городские церкви, которые я привык видеть, или на церкви с репродукций. Это был великий хенд-мэйд строителей уже ушедших от нас и забытых в темноте времени. Разглядывая обугленные стропила трёхъярусной конструкции, издавала напоминая сторожевую башню кремля, я испытывал благоговение перед их умением созидать. Я почел бы за честь только подержаться за широкую ладонь такого мастера. В сооружении не было плавных линий или изящества тонких деталей. Наоборот, все было грубо, топорно, угловато и на века. Строили, как дышали – без чертежа. Только замысел на песке.

Из-за угла вырулил прямо на меня какой-то старикашка.

– Эй, сынок, табачку не найдется?

– Нет, батя, не найдется. Не курю, – ответил я достаточно грубо, смущенный тем, что был застукан за интимным занятием ощупывания древней постройки.

– Ну, я тогда закурю, – старик присел в проеме церкви. Достал полоску газетной бумаги, оторвал от неё квадратик и свернул кулек для конфет куклы Барби. Наполнив его зеленой травкой из жестяной баночки, он закурил.

С первым облачком дыма я приготовился втянуть запах махорки, который нравился в детстве, но запах меня разочаровал.

– Махра, – откомментировал старик, – может тебе тоже скрутить?

– Спасибо, не надо. Я же не жлоб, отец. Я, правда, не курю.

– Что нравится? – спросил он, закинув голову вверх и разглядывая верхние стропила.

– Очень, – сознался я. – Правда, не столько нравится, сколько сожалею. Сожалею, что не застал до пожара, сожалею, что не застал тех мастеров. А Вы их застали?!

– Да ты что?! Церкви больше веку. Неужели я так плохо выгляжу? – хихикнул старик. – Нет, возможно, когда я родился, эти плотники еще были живы, но, я то был еще молочным. Да и не забывай: родился то я уже при Советской власти, и интересу к церквям тогда не было никакого. И хоть край у нас раскольничий и набожный, в школе нас учили другому. Мой отец, мой дед и все прадеды носили бороды по подобию божьему. Борода у раскольников – это основной символ веры: голову секи, а бороду не моги. А я всю жизнь прожил без бороды и даже на сталелитейном в городе работал. Вишь как!

Я с опаской смотрел, как кусочки бумаги и травы искрами разлетаются из самокрутки старика во все стороны.

– Не бойсь, – сказал он, перехватив мой взгляд, – капля никотина не сжигает церковь, так как она сама опиум для народа. Во! – Старик тихонечко заржал, как коршун, кружащийся вокруг своего гнезда.

– А это тогда откуда? – спросил я, раздраженно разводя руками. – Короткое замыкание?!

– Это, сынок, молния.

– Да, ладно?! – не поверил я.

– Что, не веришь, что гроза может ударить в церковь?

– Ну, как-то в голове не укладывается, – растерянно произнес я.

– Значит ты человек верующий, – удовлетворенно подытожил старик, сворачивая новый пакетик для Барби. – А дело было так. Церковь закрыли сразу, как только пришла Советская власть. С тех самых пор она и стоит – недействующая. Моя бабка утверждала, что в тот год, когда закрыли церковь, как раз построили школу в начале села.

Когда мы были маленькими, в церкви был амбар, хранили зерно. А когда мы уже подрастали, в церкви устроили клуб. Поначалу туда ходили наши родители. Ходили как на праздник: одевали все чистое, да опрятное. Пели песню под гармошку. Какая-то самодеятельность у них там была: хор, постановки, агитация. А потом мы выросли, и наш сверстник Васька Шалопутный стал устраивать в церкви дискотеки, типа городских. Родители туда, конечно, перестали ходить – отжали мы родителей-то. Зато мы почувствовали свободу: извивались как ужи, кто на что горазд, девок пощипывали, самогоном баловались – городским подражали. Огурство – одним словом. А Васька был лучшим плясуном и песни похабные на магнитофоне ставил, с матерком. Мысль о том, что бесчинствуем в храме божьем, его даже как-то подстегивала, заводила. И вот однажды возвращался Васька с обеденной дойки, матери ведра с молоком на коромысле помогал донести. Как бабы потом рассказывали. Налетела небольшая тучка, упало несколько капель, загрохотал где-то вдаль гром. И с практически чистого небосвода жажнула молния. Бац! И тот час снова засветило солнце, как будто ничего и не было, будто всем показалось. Но молния попала в толпу женщин, возвращающихся с дойки. Разметала многих, но чудом никто не пострадал, только молоко разлили. Весь удар пришелся на Шалопутного. Васька долго болел, но выжил. Танцевать уже не мог: его слегка парализовало. Ходил, подволакивая правую ногу. Но дискотеки продолжал в клубе устраивать. Через пару лет в него снова ударила молния, и на тот раз, ему пришел карачун. Вот я запомнил, но кажись, между этим был еще один раз, когда его шибануло. Потому как он по этому поводу анекдот любил рассказывать. Мол, когда первый раз поп упал с колокольни, и не разбился, все сказали: «Повезло». Когда второй раз свалился с колокольни, и не разбился, все сказали: «Совпадение». А уж когда поп третий раз свалился с колокольни и не разбился, все сказали: «Привычка». Ну, похоронили мы Шалопутного Василия. На могиле установили крест, как положено. Приходим его навесить на сороковой день, а крест напололам расщеплен. Что за святотатство? Поставили новый крест. А через некоторое время и он оказался расщеплен. Только на этот раз по обугленным краям догадались, что молния била в Васькину могилу. Так и лежит он теперь, без креста. После этих событий клуб в церкви прикрыли, и долгое время она пустовала. А вот когда перестройка в городе началась и народ толпами, как раньше на демонстрацию, повалил в церкви: кто молится, кто креститься – это стало очень модным; в нашу церковь попала молния. Не в саму церковь, конечно, а в рядом стоящее дерево, от которого и пошел пожар. Церковь отстояли всем миром, благо, что до воды два шага. Но помня про Васькино проклятие, решили, что это божий знак и церковь совсем забросили. Интересно, что в тот год, когда молния ударила в церковь, на селе закрылась и школа – учить стало некого. И село наше совсем потерялось.

– А вы не пытались как-то заново отстроить? Пускай на новом, не проклятом месте. Сейчас властями это только приветствуется, – поинтересовался я.

– Уже некому. Да и дух в людях уже не тот. Да, духа-то совсем не осталось, а без духа такое не поднять. Ты вот руками здесь все ощупывал – ты почувствовал сейчас какой-нибудь дух в этих стенах?

– Точно нет, – уверенно ответил я. – Только утерянное мастерство.

– Тебя, сынок, как зовут-то? – в голосе старика появился интерес.

– Андрей.

– Знаешь, Андрюша, если что-то упустил, потом не восстановишь. Держись крепко за то, что дорого. Дорожи тем, что имеешь. Вот и мы, полтора века по лесам прятались – берегли свою истинную веру. У нас даже село, изначально, вон за тем пригорком пряталось. Метров в семистах отсюда, чтоб подальше от реки. По воде, да по льду к нам самый прямой путь.

Село тогда даже называлось по-другому. А потом, когда гонения на убыль пошли, потихоньку перебрались на самый берег к воде. Потому как река – первое средство от пожаров. Вот тогда то мы и стали называться Летуново. А туристы, что по реке плывут, теперь удивляются, как мол, ваши предки такое живописное место для жительства выбрали. А выходит – они и не выбирали, они больше по лесам хоронились. Вот и получается, что место действительно чудное выбрали, а дух-то подрастеряли. Духу как птице, не каждый дом подходит.

– Скажите, как мне пройти через заповедник, – вежливо перебил я историю про Духа.

– Выходишь на дорогу, – удивился старик, – и топаешь по ней. Километров пять будет. Дорога у нас тут одна. Аккурат заповедник на нее и поставили – разъединили нас с низовьями, теперь только верхом ездим: через Арю, да Перерывы. Пропуска, конечно, можно добиться, но хлопотно. Тебе куда надо попасть? В Старый Яр?

– Да, в Старый Яр, – соврал я.

– Чую я, нет у тебя разрешения на проход? Те, у кого есть, на машинах приезжают. Есть у нас тут свои тропы, да ни к чему они тебе – только время потеряешь, да и заблудится недолго. Ты шагай по дороге. Въездные ворота лесом обойди, а потом снова выходи на дорогу. Если попадешься, рассказывай про родственников из Старого Яра, мол, сто лет не видел, а еще лучше, мол, на похороны спешу. Похороны дело святое – даже из армии отпускают.

Мы поднялись наверх, и я набрал в дорогу воды из «колодца у церкви». Интерфейс колодца оказался очень дружественным – не журавль с Буратиной в небе. И вода, как потом выяснилось, невероятно вкусной.

– Эх, жаль, что табачку у тебя не нашлось – надоела эта ганджа, – пробормотал старик напоследок. Пальцем объяснил мне куда идти и удалился по сельской улице, подволакивая правую ногу.

До границ заповедника я шел долго, но быстро. Вспоминая рассказ старика, я мысленно соглашался с ним – не надо никогда восстанавливать уже разрушенное, будь то монастырь или сортир в огороде (это на житейском уровне). Во всех этих новых кирпичных кладках, отреставрированных башнях, восстановленных стенах уже нет присутствия. Это только для лечения туристов за деньги. Другое дело в развалинах. Там всегда присутствует непонятное волнение и дух, который захватывает сердце. Это реальная машина времени – посещение прошлого, а не компьютерная графика. И хотя теория Духа от летуновского старика меня крайне раздражала привкусом словоблудия – как можно изъяснить словами то, что словами, в принципе, выразить нельзя – других слов я не нашел.

Но с одним пунктом Летуновского марихуанщика я был категорически не согласен. Я всегда считал, что ВСЕГДА можно начать ВСЁ с начала. Хотя бы в теории. И, если вдруг не получилось, это не доказывает, что нельзя.

И никаких воспоминаний! Нельзя жить, питаясь воспоминаниями, пусть даже такими вкусными. Только вперед, создавая новые приятные воспоминания сегодня, завтра и на следующей неделе.

При этом, никого не предавая, и всех любя. Вот только мы не можем ручаться за себя, пока не пройдем через это.

Глава 5. Орнитология как наука

Обойдя входные ворота лесом, как научил старик, я снова вышел на дорогу. Мне показалось, что я ее даже узнаю, когда она вывела меня к огромной поляне, или пустоши. По краям ее возвышались огромные сосны. Дорога шла посередине и ныряла в стену леса напротив. Я подсчитал – первый и единственный раз проходил я по этой дороге 26 или 27 лет назад. За это время поля зарастают березовым лесом, и в таком лесу уже растут грибы. Но то поля. Лесные поляны с их мощным травяным покровом, видимо активно сопротивляются появлению древесных ростков. Пригреешь такого, а потом тебе карачун, как выразился бы старик Хуан. Да и берез поблизости не видать. А сосновые леса, как я прочитал еще в студенческие годы, потеряли способность к самовосстановлению – их можно восстанавливать только искусственными посадками. Однако на своем садовом участке, выкапывая молоденькие сосенки, выросшие у забора, с целью пересадить, я обнаружил, что они не самостоятельные деревья, выросшие из семечка, а отводки огромных сосен, растущих по ту сторону забора. Мне очень хотелось посмотреть, есть ли подобная молодая поросль по краям поляны. Но предчувствие погоны заставило меня суетно пересечь открытое пространство и углубиться в лес.

Огромные сосны, подметающие небо, смели и мою поспешность. Но не придали мне уверенности. Глядя на них, я понимал, что нет никакой разницы, сколько им сейчас лет: двести или двести двадцать семь. Они остались прежними, это я уже не тот.

Выйдя из Древнего леса, я оказался в смешанном лесу, выросшем уже после лесных пожаров 72-го года. Беспокойство снова овладело мной. Свою трусость мы часто выдаем за законопослушность, так себя приятнее осознавать. Нелепость того, что я не могу свободно пройти по лесу в стране «где так вольно дышит человек...»

Или дышал?

Или не дышал?

Но мог пройти.

А теперь «не мог»?

– Эй, ребята, от кого защищаем? – спросил я вслух. – От меня? Но у меня нет: ни ружья, ни крючка, ни ножа, ни намерений.

В ответ только утренний ветерок шевелил кроны деревьев, и плотный звук птичьего пения глушил мои слова.

– А самое главное, для кого? – продолжал я, распаясь. – Для будущих поколений? Отлично! А как же я?! Ребята, а как же я? Я тоже Поколение! Поверьте, не самое плохое. И я должен сдохнуть от городской пыли или подавившись шашлыком на даче? А откуда тогда возьмется будущее поколение? Ах, от вас. А ну да, у вас же все хорошо. Ах, это ваша работа. Не пущать – и вам за это деньги платят. Персоналу концлагерей тоже платили зарплату, и нашим работникам НКВД – тоже. Это их и оправдывает – за зарплату можно все! Вот они и не останавливались. Фашисты!!!

Я уже представил (продолжая идти вперед), как меня насильно выдворяют за пределы заповедника, составляют протокол и грозят крупным штрафом, но мне рот не заткнешь, и я развиваю тему.

Конечно, я неистово вам завидую. Я тоже хотел бы работать орнитологом в каком-нибудь заповеднике: взвешивать яички пеночки-веснички. Я бы занимался любимым делом, а государство мне еще бы и деньги за это платило. А еще выделяла бы моторную лодку с двигателем «Вихрь». И пару бочек с бензином – на сезон. А чтобы государство не чувствовало себя обманутым, я бы писал научные статьи, где связывал результаты моего тяжелого труда с надоями козодоя на крупный рогатый скот.

Потому что полевая орнитология – это чистая наука. Это подглядывание за птичьим Царством с детским врожденным любопытством. Прикладной аспект там, конечно, тоже есть: аэродромы, утиные охоты, птицеводство, испражнения птиц на лысые головы памятников. Но в общей пестрой картине знаний об орнитофауне – это маленькая доля, и то притянутая за перья.

В университете мой однокурсник, собиравшийся специализироваться на кафедре ботаники, любил говорить: «Ботаника – это поэзия». И ушел в микробиологию, потому как поэзией сыт не будешь. По той же причине, и я не стал орнитологом. К моменту окончательного выбора у меня уже была двухлетняя дочь и жена, отнюдь не ботаник, а физик-ядерщик. И я выбрал семью. И подходящие для семьи источник дохода и местожителства.

Любовь к орнитологии привил мне отец. Когда мы гуляли по лесу, и из куста можжевельника выпорхнула птичка, отец осторожно развел ветки и показал мне маленькое чудо. Сплетенное среди стволов маленькое гнездышко, как будто, игрушечное, идеально круглой формы. А в нем такие же игрушечные яички совершенно невероятной окраски! С того момента птицы интересовали меня больше всего. Я ходил и заглядывал в каждый можжевельниковый куст с надеждой снова увидеть чудо. Потом я узнал, что птицы строят гнезда не только в можжевельнике, а еще и в крыжовнике – у бабушки в огороде. На деревьях, на земле, в поленнице дров, между досок обшивки бани и под коньком дома. Под коньком гнездились ласточки, они совершенно не боялись людей, и наблюдать за ними можно было до позднего вечера.

Информации не хватало. Я собирал ее отдельными предложениями из разных книг и журналов типа «Юный натуралист» и выписывал их в специальную тетрадку. С фотографиями была просто беда.

На самом деле, это и есть основная задача орнитологии нести знания о птицах людям. Это наука для людей. Потому что птицы с нами везде: в лесу, в парке, на даче, на речке, в походе, на рыбалке, на пикнике, на троллейбусной остановке. Каждый из нас может открыть глаза, развернуть уши и стать орнитологом-любителем. Немного недостающей информации, фотографий, аудиофайлов из интернета и чуть-чуть методики. И вы уже в курсе, кто поет на соседней антенне, и кто с «хорканьем» только что пролетел над вашей головой. Мир вокруг вас сразу наполняется звуками, красками и живыми существами. Еще Чарлз Дарвин в свое время удивлялся: «Как это каждый джентльмен не делается орнитологом». Потому что красивее птиц могут быть только бабочки, но они не поют и затруднительны в изучении. Есть еще конечно подводное царство, но не везде, да и не каждому суждено быть водолазом. Птицы всегда с нами, а там, где нас нет, они еще интереснее. А феномен птичьего пения! Ночь любви без соловьев – это понедельник. Лес без птичьего пения – это мертвый лес. Рай без райских птиц – это преисподняя.

Я давно уже перестал разговаривать вслух с виртуальной охраной и популяризировал любительскую орнитологию «майселф».

В развитых странах любительская орнитология была популярна уже в мои студенческие годы. Но сам термин я узнал совсем недавно, когда знакомая предложила заняться с ней бердвотчингом у нее на даче. Я не понял, и тем разочаровал ее. Это побуквенная транскрипция с английского, переводится как «наблюдение за птицами». По-русски звучит ужасно, но ради птиц можно привыкнуть. «Бёрд вот черт» – это человек, который смотрит не в телевизор, а на птиц. Хотя по слухам, бердвочеры – это не всегда любительская орнитология, а больше целевой туризм, хорошо организованный и востребованный. Целая индустрия. Небольшая группа по путевке едет в Тридевятое царство посмотреть и сфотографировать жар-птицу. Особенно сти ее биологии их мало интересуют: про них можно и прочитать. Проводник выведет в нужное место. Главное увидеть своими глазами, снять или сфотографировать, для доказательства поставленной галочки. Каждый новый тур – это новый птичий вид, возможно, другая страна. Я не вижу ничего плохого и в этом: птица, как повод для путешествия – это здорово! А уви-

деть новых птиц – это счастье. Сродни счастью обнаружить гнездышко внутри можжевельного куста.

Вот и я мог бы каждый год, совершенно добровольно, проводить маршрутные учеты в данном заповеднике: в один и тот же день, в один и тот же час, как положено... Стоп! Вот что я сейчас тут делаю.

Я снял рюкзак, отыскал в кармашке блокнот и ручку. На развороте блокнота по центру провел центральную линию и две линии по бокам. Образовавшиеся коридоры подписал: «25 м». С правой стороны листа создал еще одну колонку «Прим.». В примечании поставил: число, время, погода – «зае...» и биотоп – «спелый сосновый бор». Приблизительно так должен выглядеть международный стандарт учета численности птиц на маршруте. Придумали его финны, поэтому и называется он – финские линейные трансекты. Работает это так: я иду по линейному трансекту, т.е. по прямому маршруту (обычно это просека, но в моем случае годится и дорога заповедника – она почти прямая). И фиксирую в блокноте всех птиц, которых услышу в полосе шириной 25 метров, справа от меня, и в такой же полосе слева от меня. Это главная полоса учета. По сторонам от главной полосы есть еще дополнительные полосы, шириной по 100 м, если я еще не все забыл. Птицы, обнаруженные там, фиксируются в блокноте за пределами основного коридора. Каким-то образом я еще должен измерять пройденное расстояние и помечать в блокноте.

С чувством собственной значимости я продолжил свой путь. Сначала кроме пения зябликов я ничего не мог разобрать. Потом слух мой произвел тонкую настройку, и появились другие исполнители. И я увлекся. Некоторые виды я не сумел точно идентифицировать и отмечал их условными названиями, чтобы позже по аудиозаписи внести коррективы. Какие-то пения я путал между собой и не мог достоверно отличить. В студенческие годы я пожаловался на эту проблему своему научному руководителю, и связал ее с отсутствием внутри меня музыкального слуха. Но тот успокоил: «Возможно, ты не будешь разбираться в соловьиных коленях, или распознавать в пении скворца заимствованные трели других птиц, но идентифицировать их может почти глухой. Потому что песня птицы – это ее индивидуальность. Все дело в практике, все дело в практике. Зимой лучше слушать магнитофонные записи, чтобы навыки не пропали до весны». Но маршрутные учеты я не любил в силу их субъективности и относительности. Как можно определить на каком расстоянии от тебя поет птица: в 25 метрах или в 35, особенно в старом лесу? В советской школе орнитологии методика была несколько иная – без ограничения полосы обнаружения. И за основу расчетов положены знания средней дальности обнаружения конкретного вида – табличная величина, измеренная эмпирическим путем. У финнов математическая составляющая их методики была более сложная. По сравнению с нами они, вообще, были более продвинутые. В то время, когда у нас на полном серьезе писались научные статьи, как на основе часового механизма гигрографа фиксировать количество прилетов птицы к гнезду... Финны ставили телекамеру и, сидя в кресле, в толстом вязаном свитере и чашкой дымящегося кофе в руках, вели наблюдение за гнездовой жизнью больших синиц. Я сам выпиливал из фанеры ящик для кинокамеры «Аврора» формата «Супер 8» (она работала от батареек), чтобы установить ее перед гнездом и снимать момент кормления птенцов. Но вопрос датчика, который в нужный момент будет запускать камеру, я так и не решил. Но склонялся к индукционному.

Вот и сейчас я выглядел подобающе: очки, рюкзак, борода и блокнот в руках. Мне не хватало только бинокля для завершения образа научного сотрудника. Правда, биноклем не рекомендуется пользоваться при маршрутных учетах: даже птицы, попавшие в поле зрения, не участвуют в вычислениях. Но кто же об этом знает.

Приблизительно через час я полностью выдохся. Чем выше поднималось солнце, тем больше становилось птиц. И я снова слышал только птичий хор, не различая отдельных голосов. А по теории я должен был учитывать, начиная с восхода и в течение 4-5 часов. Правда,

и пройти я должен был всего-то 5-6 км. С такой скоростью я двигаться, конечно, не мог. Я должен был бежать – у меня есть цель. Короче, от легенды пришлось отказаться и снова уйти в партизаны песчаных дорог.

Ничего, в следующем году, в тот же день и в то же время, как и положено, я прокрадусь в заповедник и снова замерю относительную плотность птичьего населения на этом отрезке дороги. Какое сегодня число? 14 мая. О-оо, я слегка поторопился. Для Средней полосы России время учетов с 20 мая по 20 июня? Ну, хорошо, я проползу попозже.

Глава 6. Бег приставными шагами

Я уже выходил к Старому Яру, когда обернувшись, обнаружил далеко позади себя грузовик, голубоватого или светло-синего цвета. Дорога шла через редколесье, зарастающее молодыми березами. Березовые листики уже вылупились из почек, но еще не имели решающего голоса, как раскрасить этот мир.

Я тут же свернул в лес. Зеленая дымка висела в воздухе на фоне молодого весеннего неба, но лес оставался прозрачным. Я постарался уйти подальше от дороги, потом попытался идти вдоль дороги, но машина мимо меня так и не проехала. Идти было неудобно: часть стволов, уцелевших после пожара, продолжала стоять среди подрастающего поколения, остальные просто лежали на земле, преграждая путь в любом направлении. Намучившись и промочив ноги, лазая между стволами, я снова вышел на дорогу. Процесс озирания по сторонам не принес никаких результатов, но на душе стало тревожно. Через некоторое время, оглянувшись, я снова увидел грузовик. На этот раз он был ближе. Как и в первом случае, я видел только плоскую кабину с закругленными углами. Какой-то древний МАЗ или КАМАЗ? Я снова сошел с дороги, но вглубь леса не пошел, а спустился в какую-то промоину. Моя голова осталась стоять на уровне земли и наблюдала за дорогой. Слух прислушивался к дыханию ветерка, но слышал только свое – никакого урчания мотора. Обоняние улавливало запах растаявшего снега, прелой земли и березового сока, но никаких выхлопных газов. Разум сразу сказал, что это бред, но терпения хватило еще минут на десять. Наконец, или, в конце концов – разница не так очевидна – я снова вышел на дорогу и зашагал вперед. Затылком чувствуя погоню, я перебирал ногами, как водитель трехколесного велосипеда. Но решил не оглядываться, пока не услышу шум двигателя. Даже, если это охрана, то меня все равно выпернут вперед, в Старый Яр. Еще и подвезут немного. Минут через десять я потерял бдительность и оглянулся. Синесерый монстр, с грязноватым оттенком от рождения, был уже близко. Я отчетливо разглядел его круглые лупоглазые фары и понял – ни фиги, это не КАМАЗ, а скорее автобус. Или троллейбус? Меня как ветром сдуло с дороги. Я забился в какие-то кусты, и решил, во что бы то ни стало пропустить этот антиквариат вперед. Так как я особо не тороплюсь и до зимы совершенно свободен. Однако предыдущий опыт мне подсказывал, что это случится не скоро.

Сидя в кустах, я вспомнил свою первую встречу с медведем. Я приехал на орнитологическую практику в Магаданскую область. Кто не видел Ногайской бухты – дурак тот! Тут все понятно, я-то видел. А уж медведей то у них больше, чем у нас зайцев.

База находилась на реке Яне. И вот мы первый раз отправились в тайгу, где мне предстояло наблюдать за гнездовой жизнью пары чеглоков. Чеглок – хищная птица из семейства Соколиных, точная копия сапсана только маленькая.

Я нацепил на себя все, что у меня с собой было: бинокль, фотоаппарат, здоровенный телеобъектив и пр. Больше я так никогда не делал. К тому моменту, когда мы, наконец-то, перевалили через сопку, я навсегда потерял интерес к фотографии.

Мы немного не дошли до гнезда чеглоков (которое Володя, хозяин практики, обнаружил еще до моего приезда), когда его лайки с яростной ненавистью бросились вперед. В 60-80 метрах от нас поднялась на задние лапы медведица. Точно так, как принято рисовать мишек на фантиках от конфет. Близорукими глазами она осмотрелась, оценила обстановку и бросилась наутек. За ней бросились собаки, за собаками – Володя с ружьем. И остался я один посреди тайги. Тайгу я всегда представлял как непролазную чашу. Их же тайга больше напоминала парк: огромные лиственницы, растущие далеко друг от друга и почти нет подлеска, под ногами какой-то бруснично-черничный покров. Вместо черники, видимо, все-таки была голубика.

И представил я, как медведица с эскортом делает круг – куда же ей еще бежать-то?! И выбегает прямо на меня, одинокого в парке. И тут, или сметут, или пристрелят по ошибке. Я вооружился туристическим топориком – с Володей мы собирались лабаз устроить у гнезда чеглоков. Прислушиваюсь к миру: даже лая собак не слышно. И вдруг – слышу какое-то сопение. Вокруг никого! И тут сверху падает веточка. Поднимаю глаза наверх... А там, на вершине небольшой лиственницы сидит медвежонок, чуть побольше кошки, и уже повизгивает как поросенок. Вот тут я вспомнил всё: и Пришвина, и Бунина... в смысле Бианки, и страницы журнала «Юный натуралист»: «Особенно опасна встреча с медведицей и медвежонком». Или: «Медведица никогда не бросает медвежонка одного!». Я пулей взобрался на соседнее дерево.

Так мы и сидели, обхватив ствол: на одном дереве медвежонок, на другом я. Правда, недолго. Медвежонок, на самом деле, был очень маленький, и сил у него было немного. Он пыхтел, все громче и громче – возмущался от обиды, что его бросили. Потом проскользил по стволу, ломая по пути веточки, свалился на землю как мешочек с каками, хрюкнул от боли и резво умчался по следу матери. Произошло это так быстро, что я успел сделать только один снимок, и то, только в тот момент, когда его голова уже достигла нижней границы кадра. Все же мордашку видно, но снимок уже не авантажный. Не сразу слез я с дерева, но когда Володя с лайками вернулись, я уже был на земле, и он не стал свидетелем моего позора.

Когда божья коровка, которую я обогнал пару километров назад, видимо, меня нагнала, я осторожно вышел на дорогу. Ни коровки, ни автобуса, ни следов от колес. И я пошел в обратную сторону. Туда, где последний раз видел транспортное средство. Может оно там развернулось и поехало в другую сторону? Место было приметное – вывороченное с корнем дерево у самой дороги. Но и там я ничего не обнаружил. В песчаной колее следы должны оставлять даже тени. Но кроме моих «то-топ-топ и чё я дома не остался» не было ровным счетом ничего. Я прошел еще метров двести назад, на всякий случай, и снова никаких следов. И только я подумал, что ночью надо больше спать, яиц в день не больше двух, а мираж бывает не только в пустыне... Как лупоглазое чудовище снова бесшумно возникло на дороге в том месте, где полсекунды назад его точно не было. Я нервно пошел навстречу «голубому вагону», смотря ему прямо в глаза. Что это за фигня, которая задом едет? Я уже готов был сдать в руки властей, но все оказалось гораздо запутаннее. Через сто метров движения вспять я понял, что это глупо. Через двести – глупее глупого. А еще через несколько сот метров стало совсем глупо – я не приблизился к цели. Дистанция между мною и им оставалась неизменной. Я также мог видеть круглые фары, но не мог разглядеть вагоновожатого за стеклом или иные дополнительные детали. За несколько минут ходьбы по этой дороге назад, моя самооценка прошла мимо нейтрального нуля и опустилась ниже самого трескучего сибирского мороза, зависнув где-то между Антарктидой и Марсом. Я уже никому не мог доверять и бросился прочь от техногенного видения.

Точно также я убегал от медведицы с медвежонком, когда встретил их второй раз.

По приезду в Магадан нас сразу проинструктировали: в случае встречи с медведем, смотреть ему прямо в глаза и ни в коем случае не убегать, иначе автоматически становишься жертвой на рефлекторном медвежьем уровне. Да я сам прочитал такой же инструктаж девушкам из Томска, которые прибыли после меня. Как уже бывалый. Но Володя добавил нюансы в инструкцию: «На этой здоровенной морде глаза как у мышки – попробуй, посмотри в них». А еще он рассказал, что летом медведи бегут от пожаров на границе с Якутией и попадают вглубь Магаданской области. А здесь их никто не ждет, местные мишки не хотят делиться своими участками. Поэтому медведи становятся агрессивными, и каждый год нападают на людей. От стресса, а не от голода – в местных реках рыбы больше, чем воды. Ну, это я и сам видел.

И Володя рассказал занимательную историю про моего предшественника, по-моему, его звали Алексей. За Алексеем увязался медведь. Парень пытался сильно откровенно не бежать. Кричал и шумел, пытаясь отпугнуть. И медведь, как будто уходил. Но стоило чуваку продолжить путь, как медведь снова увязывался за ним и постоянно сокращал дистанцию. В конце концов, медведь вышел прямо на него. И тогда парень, у которого в отличие от меня, была с собой ракетница, шмальнул пару раз над медвежьей мордой. Никакого эффекта. Ноль эмоций! И тогда у Лехи случилась предсмертная истерика. Чего он орал медведю прямо в морду, никто точно не знает – свидетелей не было, весь рассказ только с его слов. Медведь аккуратно внимательно все выслушал, развернулся и невозмутимо спокойно удалился восвояси, видимо, передумав есть парня. А вот Леху, по возвращении, пришлось отпаивать спиртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.